

Сергей Михайлович Соловьев

Высказывания.

Оригинал здесь: [Библиотека Истории Русской Философии и Культуры "Дом А.Ф.Лосева](#)

Языческий мир, провозгласивший автономность человеческого и природного начала, положил основание истинно научному знанию...Средние века были эпохой новой цельности, нового слияния отдельных человеческих знаний во всеобъемлющем единстве христианской истины.

(Соловьев С. М. *Богословские и критические очерки: собрание статей и публичных лекций.* - Томск: Водолей, 1996. - С.7);

Пора нам вспомнить, что у нас есть национальные гении, не уступающие европейским: если у германцев есть Гёте, то у нас есть Пушкин, если у германцев есть Ницше, то у нас - Владимир Соловьев. Кроме того, у нас есть то, что непосредственно и объективно связует духовную жизнь нашего народа с эллинизмом. У нас есть непочатая сокровищница византийской церкви, и через Византию мы являемся прямыми наследниками эллинской культуры.

(Соловьев С. М. *Богословские и критические очерки: собрание статей и публичных лекций.* - Томск: Водолей, 1996. - С.8);

Есть много талантливых поэтов. Но раз в несколько веков появляются в поэзии титаны, именуемые гениями, которые производят впечатление чего-то сверхчеловеческого. Таковы были Гомер и отец аттической трагедии Эсхил. Таков и Дант, перед которым бледнеет человеческий облик его антипода - Гёте.

(Соловьев С. М. *Богословские и критические очерки: собрание статей и публичных лекций.* - Томск: Водолей, 1996. - С.9);

Рассматривая русскую поэзию, мы находим, что вся она, впадая в демонические соблазны, иногда более страшные, чем соблазны Запада, в своем итоге раскрывает единую христианскую идею....Русская поэзия, более чем всякая другая, впадала в демоническое безумие, но ни одна поэзия не вынесла из этого безумия такого чистого исповедания христианства, как поэзия русская. Это исповедание было последним словом Жуковского, Пушкина, Баратынского, Тютчева, Гоголя, Достоевского, Толстого и Соловьева.

(Соловьев С. М. *Богословские и критические очерки: собрание статей и публичных лекций.* - Томск: Водолей, 1996. - С.11, 28);

Нашей христианской мысли приходится вести борьбу на две стороны; с одной стороны, против наивного материализма массы, с другой - против свободного мистицизма высшего культурного круга.

(Соловьев С. М. *Богословские и критические очерки: собрание статей и публичных лекций.* - Томск: Водолей, 1996. - С.29);

Путь к мистицизму указал западной культуре Гёте; все прошлое нашей поэзии, с Пушкиным во главе, указывает нам другой путь, более "узкий и прискорбный", путь к церковному христианству. Впрочем, оба пути могут иногда сливаться, как мы видим это в церковной и в то же время теософской философии и поэзии Вл. Соловьева.

(Соловьев С. М. *Богословские и критические очерки: собрание статей и публичных лекций.* - Томск: Водолей, 1996. - С.29);

Пушкин отразил в себе, как в зеркале, всю Россию, все эпохи ее истории, все ее сословия. Он дал на своей лире отзвуки и грустной песне ямщика, и мечтам уездной барышни Александровской эпохи "с французской книжкою в руках", и молитвам старца Пимена, и грому пушек величественного Петербурга... Пушкин - это Россия, с ее язычеством и монашеством, с ее деревнями и двором Николая I... Гоголь - это не Россия. Бич его неистовой сатиры хлестал по России и обличал ее позор и падение... Заветным словом его была не Россия, а Русь - древняя Россия, "вера православная"... Поклонимся теперь тени великого Пушкина, для которого не было слова святее, чем "Россия", и тени великого Гоголя, для которого не было слова святее, чем "вера православная".

(Соловьев С. М. *Богословские и критические очерки: собрание статей и публичных лекций.* - Томск: Водолей, 1996. - С.84-85, 108);